Дорогому
Л. В. Щербе
с искренним уважением
ВЖ.
1937. 21. IX.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР
327
54

В. М. ЖИРМУНСКИЙ

«ФРАНКСКИЙ ДИАЛЕКТ» ФР. ЭНГЕЛЬСА.

«Франкский диалект» Фр. Энгельса представляет незаконченный экскурс, развернутое примечание к обширной исторической работе, занимавшей Энгельса в первой половине 80-х годов XIX в., «К истории древних германцев», также оставшейся неоконченной и до сих не напечатанной.[1] Это единственная работа Энгельса, имеющая целиком лингвистическое содержание. Отсюда понятен тот исключительный интерес, который опубликование этой работы — через 50 лет после ее написания — вызывает в советской лингвистике.

Постоянный интерес Маркса и в особенности Энгельса к вопросам лингвистики и филологии хорошо известен. В письмах Энгельса встречаются неоднократные упоминания, свидетельствующие о чтении специальных лингвистических трудов по германистике и славистике (Якова Гримма, Миклошича и др.).

«Франкский диалект» является специальным научным исследованием по исторической диалектологии, соединяющим исключительную эрудицию в этой области с широкими историческими и методологическими перспективами. Энгельс знаком с работами основателя германской филологии Якова Гримма, его учеников Мюлленгофа и Морица Гейне, младограмматика Брауне, тогда только-что выступившего с классификацией франкских диалектов по признаку перебоя,[2] против которой Энгельс возражает. Он поверяет выводы этих исследователей по первоисточникам — памятникам древне-верхненемецких и древнесаксонских письменных диалектов, углубляясь в диалектологические различия списков изучаемых памятников (Кот-

[1] Печатается в сочинениях К. Маркса и Фр. Энгельса, т. XVI, ч. I.

[2] W. Braune. «Zur Kenntnisnahme des Fränkischen und zur hochdeutschen Lautverschiebung» (P. Br. Beitr, Bd. I, 1874).

тонская рукопись Hêliand'a).[1] Не доверяя памятникам собственно литературным, он обращается к записям с более точной локализацией — к верденским податным спискам,[2] немецким глоссам Салической правды,[3] собственным именам германского происхождения в латинских документах,[4] местным названиям (по историческим и современным картам и спискам населенных мест), причем самостоятельное изучение исторической топонимики позволяет Энгельсу полностью пересмотреть господствовавшую в его время точку зрения Вильгельма Арнольда.[5]

Но что имеет принципиальное, методологическое значение, от памятников старых письменных диалектов он апеллирует к современным живым бесписьменным говорам. Именно благодаря самостоятельному изучению современных народных говоров Энгельс получает в свое распоряжение новый материал, позволяющий ему опровергнуть формалистическую классификацию диалектов, построенную исключительно на древних письменных источниках. Во времена Энгельса такая постановка вопроса была связана не только с теоретическими, но и с практическими трудностями: диалектологическое обследование современных говоров находилось еще в зачаточном состоянии, все внимание лингвистов старой школы сосредоточено было на древних письменных памятниках. Энгельс опирается нередко на свои личные непосредственные наблюдения как уроженца Рейнской провинции: напр., в тех случаях, где он отмечает тонкое различие в произношении спирантного g.[6] Он расширяет свой опыт немецкого диалектолога аналогичными наблюдениями над другими германскими языками, с которыми он приходил в соприкосновение: «Если литературный нидерландский язык и имеет ik, то в народной речи, особенно во Фландрии, довольно часто приходится слышать ek»,[7] — и это ek живого народного говора Энгельс, по сравнению с литературным языком, справедливо считает более древним, исконно-франкским. Или по поводу явления вокализации *l* в нидерландских словах goudin (golden), houde (holden) и др.: она «имеется также в английском ланкаширском диалекте: gowd, howd, owd вместо gold, hold, old».[8]

Там, где круг личных наблюдений оказывается недостаточным, Энгельс обращается к современной ему художественной литературе на диалектах,

[1] «Франкский диалект», стр. 15 сл.
[2] Там же, стр. 19.
[3] Там же, стр. 17 сл.
[4] Там же, стр. 21—23.
[5] См. ниже, стр. 16 сл.
[6] «Франкский диалект», стр. 43.
[7] Там же, стр. 27.
[8] Там же, стр. 35.

чрезвычайно богато представленной в Германии. Так, для характеристики пфальцского диалекта он привлекает сборник стихотворений гейдельбергского поэта Карла Готфрида Надлера «Fröhlich Palz!» (1847).[1]

Наблюдения над архаизмами современных диалектов широко применяются Энгельсом при толковании особенностей древнеписьменного литературного языка. Так, он объясняет аллитерацию начальных j—g—ch в древнесаксонской поэме «Гелианд» (IX в.) указанием на свойственное современным рипуарским и западносаксонским диалектам произношение g и j как ch (ich-Laut): «Если бы М. Гейне обратил на это внимание, то ему не причинили бы особых затруднений частое смешивание и взаимные аллитерации j, g и ch в Гелианде».[2]

Таким образом Энгельс как лингвист включает в свой кругозор весь материал фактов, которыми располагала лингвистика его времени, расширенный его собственными самостоятельными наблюдениями. Но в том, что он вносит от себя в изучение этих фактов, он далеко впереди науки своего времени, и его полемика с германистикой 1870—1880-х гг. открывает методологические перспективы, имеющие огромное значение для советской лингвистики.

Мы остановимся на трех методологических проблемах, выдвигаемых Энгельсом в связи с франкским диалектом и его членением:

1) О классификации диалектов по формальному признаку так называемого «перебоя» согласных.

2) О смешении диалектов.

3) Об исторической топонимике в применении к диалектологии.

1. КЛАССИФИКАЦИЯ ДИАЛЕКТОВ

Экскурс о франкском диалекте имеет целью по данным языка наметить границы расселения племени франков на Нижнем и Среднем Рейне в эпоху, непосредственно предшествующую завоеванию Галлии (V в.). Рассматривая франков как самостоятельное основное германское племя «истевонов» (по номенклатуре, сообщаемой Тацитом), Энгельс пытается восстановить по данным диалектологии (и топонимики) праисторию этого племени. Основным препятствием, которое она встречает на своем пути,

[1] Там же, стр. 79 сл.

[2] Там же, стр. 35.

является формалистическая классификация немецких диалектов по признакам так называемого II перебоя согласных (II Lautverschiebung), господствовавшая в то время в германистике.

Сущность этой классификации заключается в следующем: литературный немецкий язык (верхненемецкий — Hochdeutsch) и верхненемецкие диалекты средней и южной Германии (южнее линии примерно Дюссельдорф — Магдебург) отличаются от нижненемецкого (Niederdeutsch) и от всех других германских языков известными особенностями консонантизма, которые обозначаются термином «верхненемецкий перебой» (или «передвижение») согласных. Ср.: н.-нем.-t (после гласной) — в.-нем. ss: н.-нем. water — в.-нем. wasser, н.-нем. beter — в.-нем. besser; н.-нем. t- (в начале слова или после согласной) — в.-нем. z. ср. н.-нем. tid — в.-нем. zeit. н.-нем. holt — в.-нем. holz; н.-нем.-k (после гласной) — в.-нем. ch: ср. н.-нем. rik — в.-нем. reich, н.-нем. maken — в.-нем. machen; н.-нем.-p (после гласной) — в.-нем. ff: ср. н.-нем. hopen — в.-нем. hoffen, н.-нем. open — в.-нем. offen. В основном границы этих явлений совпадают и пересекают Рейн несколько южнее Дюссельдорфа (так наз. Benrather Linie).[1] Значительно южнее (между Гейдельбергом и Карлсруэ) проходит граница перебоя p- (в начале слова и в удвоении) в pf: pund — pfund, appel — apfel, kopp — kopf. Она разделяет в пределах верхненемецкой области средненемецкий (mitteldeutsch) и южнонемецкий (oberdeutsch). Средненемецкий имеет p-(как нижне-немецкий), южнонемецкий pf- (как литературный язык). Внутри средненемецкого (в его западной части) в свою очередь различают два диалекта: более северный, так наз. среднефранкский (mittelfränkisch), и более южный, так наз. рейнско-франкский (rheinfrankisch). Первый обнаруживает отступления от общих правил перебоя в местоимениях dat, wat, et, сохраняющих, как в нижненемецком, бесперебойное t (вместо das, was, es, как в рейнско-франкском и в остальных верхненемецких диалектах). Наконец, и среднефранкский может быть разделен на два диалекта: северный, так наз. рипуарский (ripuarisch), диалект Кельна и его области, наиболее близкий нижненемецкому, и южный, так наз. мозельский (moselfränkisch), диалект долины р. Мозель (Трир — Кобленц), более близкий к рейнско-франкскому. Границей служит перебой -rp в rf: в рипуарском dorp — в мозельском dorf. Рипуарскому диалекту Энгельс уделяет особое внимание.[2]

[1] Ср. «Франкский диалект», стр. 45.
[2] Там же, стр. 39—53.

Таким образом получается четкая формально-логическая классификация письменных памятников древненемецкого языка по их диалектологическим признакам, не учитывающая, однако, при всей своей кажущейся формальной безупречности, ни современного развития живых народных говоров, ни конкретной истории диалектов. По отношению к проблеме франкского диалекта, которая специально интересует Энгельса, эта классификация приводит к следующим результатам.

1. Границами перебоя франкский диалект разрывается на части, теряя свое единство. Его северная часть — нижнефранкский (niederfränkisch) попадает в область нижненемецкого, а южная часть — южнофранкский (südfränkisch) и восточнофранкский (ostfränkisch) — в южнонемецкий, тогда как самая значительная средняя часть — среднефранкский (mittelfränkisch) и рейнско-франкский (rheinfränkisch) — входит в средненемецкий. «...Франкский диалект, — пишет по этому поводу Энгельс, — у Северного моря, на Маасе и Нижнем Рейне не обнаруживает никакого [передвижения согласных], а на алеманнской границе — почти целиком алеманнское передвижение; между этими крайними типами имеются, по меньшей мере, три переходные ступени. Таким образом, передвижение проникло в рейнско-франкское [наречие], уже самостоятельно развившееся, и разорвало его на несколько частей».[1] Энгельс доказывает исконное и принципиальное единство франкского диалекта, несмотря на его последующее разделение. В «Диалектике природы» он использовал эту мысль для иллюстрации понятия поляризации: «Лишь после смерти Гримма был снова открыт франкский диалект, салический в своем обновленном виде в качестве нидерландского, рипуарский — в средне- и верхне-рейнских диалектах, которые отчасти подверглись в различной степени верхне-немецкому передвижению согласных, а отчасти остались нижне-немецкими, так что франкский диалект является как верхненемецким, так и нижне-немецким».[2]

2. Отдельные части франкского диалекта по признакам перебоя объединяются с другими, нефранкскими диалектами. Так, большую часть рейнско-франкской области к востоку от Рейна занимают говоры гессенские: между тем Гессен представляет племенную территорию не франков, а древних хаттов. С другой стороны, говоры южнофранкские по признакам перебоя объединяются в общих границах южнонемецкого с баварскими, алеманнскими и колониальными восточнофранкскими. Энгельс возражает против

[1] Там же, стр. 45—47.

[2] Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, т. XIV, стр. 446. Цитирую уточненный перевод «Франкского диалекта», стр. 110, примечания.

такого объединения: «Гессен и Тюрингия имеют свои собственные, самостоятельные диалекты, как [земли], населенные самостоятельными племенами; в Майнской Франконии смесь славянского, тюрингского и саксонского населения была пронизана баварскими и франкскими элементами и выработала свой особый диалект».[1]

Наиболее яркий пример поверхностного схематизма традиционной классификации представляет рипуарский диалект (Кельнской области). По признакам перебоя, как было указано, он относится к средненемецкому, объединяется с мозельским в среднефранкской группе (dat, wat, et) и противопоставляется соседнему нижнефранкскому как диалекту нижненемецкому. Граница перебоя, проходящая между нижненемецким и верхненемецким к северу от Кельна около Дюссельдорфа (Benrather Linie), получает в этой классификации важнейшее принципиальное значение.

Между тем, по мнению Энгельса, рипуарский имеет «по существу» нижненемецкий характер[2] и гораздо дальше отстоит от тех диалектов, с которыми его «сваливают в одну кучу» под общим названием среднефранкского, чем от так называемых нижнефранкских диалектов.[3] Из таких нижненемецких особенностей рипуарского Энгельс называет, например, местоимения he, de, we вместо er, der, wer, спирантное g (j или gh) в начале слова, сохранение начального w перед r, отпадающего в верхненемецком (fringen < wringen, frêd < wreed), слабое множественное hanen вместо Hähne, форму boven вместо oben и др.[4] Особенно существенным Энгельс считает свойственное рипуарскому, как и нижненемецкому, сохранение звонких согласных (b, d, g), которые в средне- и южнонемецком смешиваются с глухими (t, p, k). «Только там, где не представляется возможным провести строгое различие между b и p, d и t, g и k в начале слова, т. е. имеет место то, что французы преимущественно разумеют под accent allemand [немецкий акцент], только там представитель нижненемецкого [наречия] начинает ощущать тот великий разрыв, который произвело в немецком языке второе передвижение согласных. И этот разрыв проходит между Зигом и Ланом, между Ааром и Мозелем»,[5] т. е. между рипуарским и мозельским (между областью Кельна и Трира). В то же время Энгельс обращается к непосредственному сознанию говорящих на данных диалек-

[1] «Франкский диалект», стр. 15.
[2] Там же, стр. 43—45.
[3] Там же, стр. 47—49.
[4] Там же, стр. 43—45.
[5] Там же, стр. 75.

тах, к коллективному социальному опыту местных людей, к которым он сам принадлежит: «Диалект Нейссе тождественен с диалектом Крейфельда и Мюнхена-Гладбаха до мелочей, даже неслышных для чужого уха. И несмотря на это, один из них объявляется средне- [франкским], а другой нижне-франкским. Говор бергского промышленного района незаметными ступенями переходит в говор юго-западной рейнской равнины. И тем не менее они якобы принадлежат к двум, в корне различным, группам. Для всякого, кто в этих местах у себя дома, очевидно, что в данном случае кабинетная ученость втискивает малоизвестные или совсем неизвестные ей живые народные говоры в прокрустово ложе a priori сконструированных признаков».[1] И дальше: «Даже для жителя Рейнской Франконии проникновение передвижения *t* и конечного *k* не производит впечатления какой-либо языковой границы; даже в хорошо знакомом ему районе он принужден будет предварительно подумать, где же проходит граница между *t* и *z*, *k* и *ch*, при переходе через эту границу одно будет произноситься для него почти так же легко, как и другое».[2]

При этом весьма существенное значение имеет указание Энгельса на «не всегда последовательное проникновение»[3] перебоя в области рипуарских говоров. Слова с перебоем проникают и исстари в большом числе проникали в нижненемецкий как изолированные лексические заимствования, так что в сущности при этом происходило не передвижение звуков, а передвижение слов. Для подтверждения этой мысли, предвосхищающей один из важнейших выводов работы современных диалектологических атласов, Энгельс обращается к письменным памятникам ранней новонемецкой эпохи. «Разительный пример представляет старый бергский процессуальный кодекс XIV столетия (Lacomblet, Archiv, I, стр. 79 и сл.). Тут встречаются zo, uiss (aus), zween, bezahlen; но рядом в том же предложении: setten, dat nutteste (nützeste); точно так же Dache, redelich на ряду с reicket (reicht); upladen, upheven, hulper (Helfer) рядом с verkouffen. В другом абзаце на стр. 85 встречается даже, чередуясь, zo и tho (zu). Словом, говоры горной области и равнины все время перекрещиваются между собой, не причиняя при этом ни малейших затруднений переписчику. Как всегда, эта последняя волна, занесшая верхне-немецкое передвижение согласных на франкскую территорию, — самая слабая и мелкая. Несомненно интересно наметить линию, до которой она доходит. Но эта

[1] Там же, стр. 47.
[2] Там же, стр. 51.
[3] Там же, стр. 45.

линия не может быть границей диалектов; она не в состоянии разорвать самостоятельную группу исстари близко родственных говоров и не может дать повод к тому, чтобы в противоречии со всеми языковыми фактами причислять эти насильственно разъединенные обломки к более далеким друг от друга группам».[1]

Каким же образом определяет сам Энгельс границы диалектов, в противоположность формалистическому делению по одному случайному и несущественному признаку? Как мы видели, Энгельс учитывает, во-первых, исторические предпосылки единства диалекта, понимая их как племенную основу; затем он берет целую совокупность признаков, не только фонетических, но и морфологических (множеств. настоящ. врем. на -nt, vi hant — wi hebbed), обращаясь также к географической лексикологии: boven вместо oven, «воробей» — в рипуарском Môsche, в вестфальском — Lüning [2] Наконец он обращается к непосредственному сознанию говорящих на диалекте, опираясь на него как на коллективный социальный опыт языковой сопринадлежности данного района и его противопоставленности другому району.

Несмотря на то, что Энгельс имел возможность опираться лишь на ограниченный диалектологический материал, его выводы по вопросу о «перебое» и в частности об историческом месте рипуарского (кельнского) диалекта на много лет опередили лингвистику его времени и полностью подтверждаются современной диалектографией. Именно Рейнская область служила с начала XX века как бы опытным полем для интенсивнейшей диалектологической работы, выводы которой в точности совпадают с мнениями, высказанными Энгельсом на основании сравнительно небольшого материала в неизданной статье 80-х годов. «Рейнские диалектологи, — пишет Бринкман по поводу Фрингса и его школы, — научились обходиться без перебоя при объяснении характера и исторического развития рейнских диалектов».[3] По поводу среднефранкского Бехагель говорит в последнем издании своего учебника истории немецкого языка: «Я считаю вероятным, что вся область среднефранкского была первоначально нижненемецкой».[4] Фрингс, на которого Бехагель при этом ссылается, относит проникновение перебоя в эту область к 800—1200 гг., т. е. к весьма позднему времени. «Процесс этот, — говорит Фрингс — носил характер постепенного оверхнемечения;

[1] «Франкский диалект», стр. 51—53.

[2] Там же, стр 49.

[3] H. Brinkmann. «Sprachwandel und Sprachbewegungen in althochdeutscher Zeit», Jena, 1931, S. 128.

[4] Otto Behaghel. «Geschichte der deutschen Sprache», изд. 5-ое, 1928, S. V—VI.

при этом сохранилось множество исключений».[1] В особенности много таких исключений в рипуарском диалекте, теснее всего связанном с нижненемецким. Кроме уже названных местоимений, общих для всего среднефранкского (dat, wat, et), сюда относится целый ряд других слов, сохранившихся без перебоя только в пределах рипуарского: например, op «auf», mōt «muss», lēt «liess» — слова полуформальные, со слабым ударением; āp «Affe» (как ругательное слово), tēf, tif («сука»), pūt «Pfote» («лапа»), schnūt «Schnauze» («морда») — слова интимного бытового или «низкого» просторечья; wēk «Docht», stutt «Semmel», kīp «Tragkorb», tōt «Rohrkanne», tacken «Ofennische», plūten «Lumpen», timp «Zipfel», fucken «Fischreusen» — лексические провинциализмы и профессиональные слова, не имеющие верхненемецких параллелей в общенациональном языке, и др. В соответствии с этим Фрингс утверждает: «Следует говорить не о перебое, но о словах с перебоем» (man sollte nicht von Lautverschiebung, sondern von lautverschobenen Wörtern sprechen).[2] Число диалектологических признаков, объединяющих рипуарский с нижнефранкским (нижненемецким) может быть чрезвычайно увеличено: например, сохранение старых недифтонгированных долгих ī, ū, ǖ — wiss «weiss», brun «braun», hück «heute»; сохранение ü, ö без делабилизации, обычной в верхненемецких диалектах; нижненемецкое ē, ō,ō̈ вместо средневерхненемецкого ie, uo, ue (современного ī, ū, ǖ): lēf, blōd, sōs вместо lieb, blut, süss; сохранение звонкого бесперебойного d вместо t (dūsent вместо tausend); спирантное f вместо b на конце слова: graf «Grab», af «ab» и др.[3] Все эти различия, кроме первых двух, восходят к древненемецкой эпохе. Поэтому Фрингс также возражает против классификации рейнских диалектов по признакам перебоя и, как уроженец рейнской провинции, почти в тех же словах, как Энгельс, апеллирует к непосредственному языковому сознанию местных жителей. «Принятое поныне деление рейнской языковой области по ходу вещей базируется в основном на критериях, почерпнутых из пергаментных или бумажных источников, прежде всего — на наиболее бросающемся в глаза и потому ранее всего разработанном, превознесенном и переоцененном явлении второго или верхненемецкого перебоя. Житель северного Рейна, например — области Клеве, чувствует себя в языковом отношении более близким к Кельну, чем к Триру. Тем не менее лингвист

[1] Theodor Frings. «Germania romana», 1932, S. 210.

[2] Там же, стр. 210—211.

[3] Ср В. М. Жирмунский, «Восточно-средненемецкие говоры и проблема смешения диалектов» («Язык и мышление», вып. VI—VII, стр. 156 сл.).

проложил между Кельном и Клеве важнейшую языковую границу, нижне-верхненемецкую границу перебоя вообще, обозначив диалекты к северу от Нейсса и Дюссельдорфа термином нижнефранкский, а области Кельна и Трира, взятые как одно целое, — термином среднефранкский».[1] Как и Энгельс, Фрингс признает реку Аар «местом глубочайшего разрыва в рейнском языковом ландшафте».[2] «Несмотря на зону Бенрата [т. е. на границу нижненемецкого и верхненемецкого], именно в области Аара [т. е. между рипуарским и мозельским диалектами] ощущается самый решительный разрыв в рейнском языковом ландшафте».[3]

Таким образом кропотливые, специальные исследования современных диалектографов полностью подтвердили гениальные провидения Энгельса.

Тот же принцип можно было бы применить и к южной границе перебоя, разделяющей средненемецкий (рейнско-франкский) от южнонемецкого (южнофранкского), диалекты Пфальца от говоров северного Бадена (Баден — Дурлах) и северного Эльзаса (в треугольнике Зельц — Вейсенбург — Лаутербург). Южнонемецкий перебой p — pf также не представляет принципиальной границы: по всем основным признакам эти франкские говоры сходны между собой и резко отличаются от расположенных к югу швабско-алеманнских диалектов. Произведенные мною наблюдения над развитием этих диалектов в южной Украине показали, что принципиальной разницы между ними нет: говоря словами Энгельса, нужно сперва подумать, чтобы сказать, имеется ли в данном говоре p или pf. При этом по обе стороны границы перебоя имеется целый ряд лексических исключений. На принципе смешения между франкскими и швабскими диалектами наличие pf или p также мало отражается.[4] Энгельс, повидимому, объединяет обе группы говоров под общим названием верхнефранкского наречия,[5] рассматривая его как результат смешения франкского с алеманнским. Но он не затрагивает этого вопроса более подробно, так как его исследование обрывается на описании пфальцского диалекта.

[1] Th. Frings. «Rheinische Sprachgeschichte», 1924, S. 9.

[2] Ср. «Kulturströmungen und Kulturprovinzen in den Rheinlanden», 1926, S. 153.

[3] Th. Frings. «Rheinische Sprachgeschichte», S. 14. Ср. «Франкский диалект», стр. 116, Примечания.

[4] Ср. В. Жирмунский, «Проблемы колониальной диалектологии» («Язык и литература», кн. III, 1929, Сб. в честь акад. Н. Я. Марра, стр. 199—200).

[5] «Франкский диалект», стр. 77 сл.

2. СМЕШЕНИЕ ДИАЛЕКТОВ

Изучая немецкие диалекты в их племенной основе, Энгельс далек от наивной мысли, характерной для диалектологов-индоевропеистов его времени: рассматривать современные говоры как продукт спонтанного развития из диалектов племенных, по типу родословного древа языков. В своем исследовании он постоянно учитывает конкретные возможности смешения диалектов, прежде всего — в результате племенного смешения. В этом смысле особенно поучительна в методологическом отношении его реконструкция диалекта салических франков (в обычной терминологии — нижнефранкского). Диалект этот является основой современных нидерландских наречий (фламандского и голландского), а также новонидерландского (голландского) литературного языка. Последний слагается на территории, частично принадлежавшей фризам, и потому обнаруживает следы смешения франкского с фризским. «С тех пор как большие морские штормы в XII, XIII и XIV столетиях уничтожили почти всю Зеландию и образовали Зюдерзее, Долларт и Яде, а тем самым порвали вместе с географической и политическую связь между фризами, — погибли под напором окрестных владетельных феодалов остатки древней фризской вольности, а вместе с ними почти повсюду и фризский язык. На западе он был оттеснен или совсем вытеснен нидерландским [языком], на востоке и севере — саксонским и датским, но в обоих случаях оставляя сильные следы в языке, который вытеснял его. Древне-фризская Зеландия и Голландия сделались в XVI и XVII веках центром и опорным пунктом борьбы за независимость Нидерландов, так же, как уже раньше они стали средоточием главных торговых городов страны. Здесь поэтому преимущественно и складывался ново-нидерландский литературный язык, воспринимая фризские элементы, слова и формы слов, которые следует отличать от франкской основы».[1] Таким образом, утрата фризами племенного языка рассматривается Энгельсом как результат феодализации, а развитие литературного (национального) языка связывается с ростом торговых городов и их борьбой за национальную независимость. В результате этих последующих смешений современный литературный нидерландский язык дальше отстоит от современных франкских диалектов, чем средневековый нидерландский. «Средне-нидерландский [язык], выросший на чисто франкской почве, в этом отношении вполне согласуется с рипуарским; но уже меньше — литера-

[1] Там же, стр. 29.

турный ново-нидерландский [язык], подвергшийся фризскому влиянию».[1] Энгельс доказывает это на примерах фонетических явлений, характерных для франкских говоров (переход i > e: например, es «ist», selver «silber»; переход u > o перед m, n: например, gonst, konst и др.).[2]

Обратное явление Энгельс констатирует в древнесаксонских памятниках IX в., локализованных в Вестфалии (Мюнстере, Эссене и др.). Родительный падеж множественного числа мужского рода сильного склонения на a вместо o, именительный единственного числа мужского рода слабого склонения на o вместо a, окончание -n в первом лице глаголов на -ôn (thionôn) указывают на наличность франкских воздействий. Энгельс считает, что эти явления представляют «франкский пережиток в древне-западносаксонском диалекте»,[3] который «объясняется тем обстоятельством, что Западная Саксония» [т. е. Вестфалия] «была раньше франкской территорией. Только после ухода главной массы франков саксы постепенно продвигались через Оснинг и Эгге к той линии, которая еще и в настоящее время отделяет Марк и Зауэрланд от Берга и Зигерланда».[4] «Влияние оставшихся франков, теперь уже слившихся с саксами», сказывается в вышеупомянутых явлениях. «Его нельзя не признать еще и в современных диалектах».[5]

Интересно отметить одно чрезвычайно тонкое лингвистическое наблюдение Энгельса над явлениями смешения. В древнесаксонском все три лица множественного числа настоящего времени имеют общее окончание -ad (fallad, winnad): выпадение n перед d — специфическое явление для саксонского и других «ингевонских» диалектов.[6] В Коттонском списке Hêliand'a (IX в.) 1—3 лицо имеют -nd (tholônd). Энгельс сопоставляет его с современным бергским диалектом того района, из которого происходит рукопись: «В бергском [диалекте] все три лица множественного числа настоящего времени также образуются одинаково, но не по-саксонски на *d*, а по-франкски на *nt*... На основании простого наблюдения, что здесь в бергском [диалекте] все три лица образуются одинаково, Брауне и другие без колебаний объявили всю горную бергскую область саксонской. Эта норма,

[1] «Франкский диалект», стр. 31.
[2] Там же, стр. 31.
[3] Там же, стр. 25.
[4] Там же, стр. 23.
[5] Там же, стр. 25.
[6] Там же, стр. 19. Современные диалектографы также выдвигают это явление как один из древнейших «ингвеонизмов». Ср. F. Wrede, «Zur Entwicklungsgeschichte der deutschen Mundartenforschung» (Zeitschrift für deutsche Mundarten, 1919, S. 15—16).

конечно, проникла сюда из Саксонии, но она, к сожалению, применяется по-франкски и доказывает поэтому противоположное тому, что она должна доказывать».[1]

Таким образом Энгельс объясняет древнюю (и совпадающую с ней современную) диалектологическую форму 1—3 лица на -nd как результат скрещения франкского по своей фонетике (сохранение n перед d) окончания -nd (3 лицо) с саксонской грамматической «нормой» общего для всех трех лиц окончания множественного числа.

Такое же племенное и языковое смешение Энгельс устанавливает и в верхнефранкских диалектах на территории, захваченной франками после победы Хлодвига над алеманнами (496). «Здесь мы находимся, — пишет Энгельс, — на территории, которая первоначально несомненно была областью алеманнского завоевания (если не говорить о более раннем заселении ее вангионами и другими, о племенном родстве и языке которых мы ничего не знаем) и в пределах которой мы охотно допускаем также более сильную хаттскую примесь».[2]

Но смешение диалектов не ограничивается, по Энгельсу, стадией племенного смешения. В различных местах своей работы он отмечает более поздние воздействия одних диалектов на другие. Так, верхненемецкое передвижение согласных, как уже было сказано, «проникло в рейнско-франкское [наречие], уже самостоятельно развившееся».[3] «Точно так же под верхненемецким влиянием в рипуарском диалекте начальные sl, sw, st, sp превратились в schl и т. д.»[4] — притом «гораздо позднее», чем перебой.[5] «Последние следы такого передвижения согласных, — говорит Энгельс, — вовсе не должны исчезать на границе уже ранее существовавшей отдельной группы говоров; оно может отмирать и внутри этой группы, и так оно бывает в действительности».[6]

Таким образом возникают диалектологические границы нового происхождения. Вопрос об этих новых границах не рассматривается Энгельсом более подробно. По теме своего исследования, обращенной к племенным говорам, он снимает эти более новые явления (напр., передвижение согласных) для того, чтобы дойти до основных и более древних противоположностей диалектов. Однако, существенно отметить, что сама проблема более

[1] Там же, стр. 19.
[2] Там же, стр. 77.
[3] Там же, стр. 47.
[4] Там же, стр. 43.
[5] Там же, стр. 47.
[6] Там же, стр. 47.

новых диалектологических границ не отрицается Энгельсом, хотя по ходу своего исследования он нигде не ставит вопроса о том, чем объясняется возникновение этих новых границ, т. е. отмеченное им отмирание передвижения звуков не на старых границах, а внутри определенной группы говоров.

Как известно, современная диалектография стремится доказать, что границы диалектов и отдельных диалектологических явлений совпадают не с племенными границами эпохи великого переселения народов, а с позднейшими границами средневековых феодальных территорий.[1] Между тем на самом деле племенные и феодальные границы диалектов не являются противоположностями, механически друг друга исключающими. Напротив, это только две стадии единого исторического процесса. Средневековые поместно-территориальные говоры во многих случаях являются позднейшим переоформлением племенных диалектов, на что̀ современная диалектография не обращала достаточного внимания, и указания Энгельса, не снимая вопроса о позднейших переоформлениях феодальной эпохи, своевременно обращают наше внимание на более древние, дофеодальные языковые отношения, на племенные диалекты, как на основу всего дальнейшего языкового развития.

3. ДИАЛЕКТОЛОГИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ТОПОНИМИКА

Вопрос о племенном смешении как основе смешения диалектов есть вопрос исторический и требует для каждого конкретного случая специальных разысканий о переселении и передвижении германских племен. В главе о среднефранкском диалекте Энгельс для решения этого вопроса привлекает данные исторической топонимики Рейнской области.[2] Известно, что франки продвинулись вверх по Рейну, захватив территорию, первоначально заселенную алеманнами. Возможно, что франкская колонизация столкнулась на среднем Рейне с движением хаттов (будущих гессенцев) с востока на запад по течению р. Лан. На основании местных названий Арнольд, автор основополагающих работ по праистории Германии,[3] доказывал наличность дофранкского, алеманнского населения во всей среднефранкской области и дальше на север, до линии Кельн — Аахен. Признаками алеманнских поселений являются, по его мнению, местные названия на -weiler, -hofen, -ingen и некоторые другие. Напротив, Энгельс считает среднефранкскую область (долину Мозель) в основном заселенной рипуарскими франками.

[1] Обзор вопроса дает Ad. Bach. «Deutsche Mundartforschung», 1934, S. 34 сл.

[2] Там же, стр. 53 сл.

[3] W. Arnold. «Ansiedlungen und Wanderungen deutscher Stamme zumeist nach hessischen Ortsnamen», 1872, и «Deutsche Urzeit», 1879.

Чтобы опровергнуть Арнольда, он обращается к детальнейшей работе над местными названиями по атласам Реймана и Шпрунера-Менке. Он доказывает, что типы местных названий, отмеченные Арнольдом как алеманнские, распространены в исконно-франкских областях, а часто и в местах поселения других германских племен. При этом он исходит из исторической семантики данных окончаний. Так, «окончание *weiler* отнюдь не безоговорочно алеманнское, а провинциальное латинское *villarium*, *villare* и за старыми пределами Римской империи встречается в лучшем случае лишь в виде исключения».[1] В области поселения салических франков «чаще всего они встречаются, понятно, близ старой римской дороги из Маастрихта через Юлих на Кельн».[2] Многочисленные -villers встречаются во Франции, которые так же мало доказывают алеманнское расселение, как имена на -weiler на среднефранкской и рипуарской территории.[3] Имена на -ingen встречаются у всех германских племен. И здесь Энгельс исходит из исторической семантики: «Обозначение одинакового происхождения при помощи ing, ung свойственно всем германским племенам. Так как расселение происходило родами, то это окончание играет везде значительную роль в названиях мест».[4] Энгельс доказывает наличие подобных названий у франков, саксов и фризов, а также в офранцуженной форме -ange на территории Бельгии и восточной Франции, где «в VI—IX веках шла борьба двух языков».[5] Поэтому «было бы очень смелым, — говорит Энгельс, — от наличия названий мест на *ingen* тут же делать вывод об алеманнском расселении».[6]

В итоге этого специального экскурса по топонимике Энгельс создает прочную историческую базу, на которой строит лингвистическое изучение среднефранкского диалекта. «Итак, три окончания, которые Арнольд считает специфически алеманнскими, оказались в такой же мере и франкскими, и попытку доказать на основании этих названий, что на средне-франкской территории *до* франкского имело место расселение алеманнское, следует признать неудавшейся. При этом все же допустима возможность существования не очень сильного алеманнского элемента в юго-восточной части этой области».[7]

1 «Франкский диалект», стр. 55—57.
2 Там же, стр. 57.
3 Там же, стр. 57.
4 Там же, стр. 61.
5 Там же, стр. 65—67.
6 Там же, стр. 63.
7 Там же, стр. 67.

Отметим, что позднейшие специальные исследования по топонимике всецело подтвердили правильность утверждений Энгельса, опровергающих Арнольда. Бехагель доказывает, что местные названия на -weiler связаны с местами расположения римских вилл.[1] По поводу имен на -ingen Шлютер пишет в «Энциклопедии германских древностей»: «Чрезвычайно многочисленны названия на -ingen на люксембургской и лотарингской территории. Приписывать их алеманнам препятствует господствующий там рейнско-франкский диалект. Они являются показателем массовой колонизации франков, путь которых довольно недвусмысленно намечается как местными названиями, так и географическими условиями».[2]

Мы обсудили три основные проблемы, затронутые Энгельсом в «Франкском диалекте». Во всех этих проблемах Энгельс далеко опередил науку своего времени, и его фактические выводы были подтверждены последующими исследователями. Но методологические основания работы Энгельса сохраняют для нас значение и независимо от тех частных вопросов, которые затронуты в его исследовании. Остановимся вкратце на тех указаниях, которые мы можем извлечь из книги Энгельса для нашей советской лингвистической науки.

Лингвистическая работа Энгельса отличается необычайной конкретностью. Энгельс владел огромным фактическим материалом и всей специальной литературой вопроса и пришел к большим обобщениям лишь в результате тщательнейшей проработки всех деталей проблемы. Он не ограничивается установлением общих принципов развития немецких диалектов, но дает их конкретную историю, насыщенную фактическим материалом, осмысленным с точки зрения тех общих принципов, которые он выдвигает.

От изучения старинных письменных памятников Энгельс обратился к живым бесписьменным диалектам, частично сам собирая недостающий ему материал. Это позволило ему по-новому поставить и решить целый ряд существенных вопросов, неправильно освещенных в старой филологической науке, опиравшейся исключительно на письменные памятники. Пример «Франкского диалекта» показывает огромное значение изучения современных диалектов для истории языка и для общей истории.

В советской лингвистике на значение современных бесписьменных диалектов, которые часто древнее соответствующих письменных (литера-

[1] O. Behaghel. «Die deutschen Weiller-Orte» (Worter und Sachen II, 115).

[2] O. Schluter. «Deutsches Siedlungswesen» (в «Reallexikon der germanischen Altertumskunde», т. I, 1913). Ср. «Франкский диалект», стр. 115, Примечания.

турных) языков, неуклонно указывал Н. Я. Марр. Но наша практика собирания диалектологического материала в значительной мере отстала от теории. В частности, мы еще только приступаем к созданию диалектологических атласов языков народов нашего Союза, мы не имеем до сих пор и русского диалектологического атласа. Книга Энгельса является прямым указанием на необходимость организации широкой собирательской и исследовательской работы по изучению народных говоров.

Изучение диалектов должно быть всестороннее, как у Энгельса, включая явления фонетики, морфологии, синтаксиса, лексики. Границы между говорами не должны устанавливаться формалистически, по случайному и изолированному фонетическому признаку. Они должны учитывать всю совокупность признаков данного диалекта и исторические предпосылки развития данного языкового района, начиная от стадии племенных говоров через все последующие переоформления. В этом основное различие между лингвистической методологией Энгельса и формалистически-описательной точкой зрения Вильгельма Брауне и других младограмматиков-индоевропеистов, с которыми Энгельс полемизирует. Брауне дает статическую, формально-логическую классификацию письменных памятников древнелитературного языка по признакам перебоя. Энгельс рассматривает динамику развития диалектов в конкретных исторических условиях, определяемых расселением германских племен, этническим смешением, колонизацией, последующими взаимодействиями с соседями. Таким образом для Энгельса история языка (в частности — диалектология) тесно связана с историей общества. В этом прежде всего проявляется созвучность взглядам Энгельса нового учения о языке Н. Я. Марра. В этом — важнейшее указание Энгельса, направленное против формализма и антиисторизма в лингвистике и открывающее путь к построению нового языкознания на основе марксистско-ленинского понимания исторического процесса.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

Ц.С. ООН. 436. N4.